

ВИОЛЕТТА ВЕСНА

ПОСЛЕ РАЗВОДА –
В ВЕДЬМЫ.
БЫВШИЙ МУЖ
И ПРОЧАЯ НЕЧИСТЬ

Виолетта Весна

**После развода — в ведьмы.
Бывший муж и прочая нечисть**

«Автор»

2026

Весна В.

После развода — в ведьмы. Бывший муж и прочая нечисть /
В. Весна — «Автор», 2026

В день развода бывший муж предложил мне шестьсот пятьдесят тысяч за бабушкин дом, который называл бесполезной развалиной. Я отказалась — и уже через два дня узнала: под старой аптекарской лавкой бьёт магический источник, на доме висит поддельный залог, а во мне проснулся ведьмин дар. Теперь у меня тридцать дней, чтобы получить лицензию, очистить лавку от договорного морока и доказать, что Денис годами распоряжался моей подписью. Иначе я потеряю единственный дом, который действительно принадлежит мне. Помочь может Арсений Ратников — принципиальный инспектор-проклятолог с опасным ремеслом и привычкой защищать людей, не спрашивая разрешения. Но я только что ушла от одного мужчины, решавшего за меня, и доверять другому не собираюсь. Даже если рядом с Арсением мне впервые за много лет хочется не бежать, а остаться. А бывший тем временем доказывает: главная нечисть не всегда прячется в подвале.

© Весна В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ. Ключи после подписи	5
ГЛАВА 1. Опечатано до выяснения	10
ГЛАВА 2. Инвентаризация наследства	18
ГЛАВА 3. Дар по инструкции	25
ГЛАВА 4. Разумное предложение бывшего	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Виолетта Весна

После развода — в ведьмы.

Бывший муж и прочая нечисть

ПРОЛОГ. Ключи после подписи

В день развода Денис предложил мне выбрать между шестьюстами пятьюдесятью тысячами рублей и ключами от дома, который пять лет стоял закрытым. Ключи он слишком старательно называл бесполезными.

— Лада, давай хотя бы сегодня обойдёмся без поисков скрытого смысла, — сказал он.

Я перевернула семнадцатую страницу соглашения и нашла восемнадцатую. Девятнадцатой не было. Сразу шла двадцатая, где уже стояли жёлтые закладки для подписей.

Между нами сидела медиатор Наталья Сергеевна. На краю стола стояли песочные часы с синей магической крошкой. Крошка не двигалась: никто в кабинете пока не воздействовал на чужую волю. В тот день часы успокаивали меня больше живого специалиста.

— Я не ищу скрытый смысл, — ответила я. — Я ищу девятнадцатую страницу.

Наталья Сергеевна протянула руку. Я передала ей соглашение.

Денис откинулся на спинку стула и посмотрел на часы. Тёмно-синий галстук он выбрал тот самый, в котором обычно встречался с инвесторами. На развод он тоже пришёл заключать сделку.

— Техническая ошибка, — сказал он. — Мы всё обсуждали.

«Мы всё обсуждали» за двенадцать лет брака стало удобной формулировкой. Иногда Денис говорил, пока я готовила ужин. Иногда его юрист присылал письмо ближе к полуночи. А я соглашалась, потому что после десяти часов в лаборатории сил хватало лишь поставить подпись у закладки.

До сегодняшнего утра мне казалось, что я просто доверяла мужу. За столом медиатора это объяснение выглядело хуже плохо вымытой колбы: вроде прозрачная, а использовать нельзя.

Наталья Сергеевна сравнила оба комплекта.

— В моём экземпляре страницы на месте. Приложение четыре, — сказала она и положила передо мной недостающий лист. — Передача прав на объект в Рябинове и отказ от связанных имущественных требований.

Я прочитала заголовок дважды.

— Какой ещё отказ?

— Формальность, — отозвался Денис. — Дом принадлежит тебе по наследству, но мы вкладывали деньги в консервацию. Чтобы потом никто ни к кому не предъявлял претензий, я выплачиваю тебе компенсацию, а ты передаёшь объект «Балансу». Чистый разрыв. Ты этого и хотела.

Я опустила взгляд на страницу.

Объектом назывался двухэтажный дом на Аптекарском переулке: торговый зал, лаборатория, склад, квартира и земля. Ниже мелким шрифтом значились подземные коммуникации, природные воды и «иные ресурсы, обнаруженные в границах объекта после регистрации перехода права».

Бабушкина лавка всегда раздражала Дениса. После смерти Аграфены Ильиничны он трижды предлагал её продать и один раз оплатил консервацию подвала — по его словам, из уважения ко мне.

Теперь уважение оценили в шестьсот пятьдесят тысяч.

— Почему здесь указаны природные воды?

— Стандартная форма для старого фонда.

— В форме отдельно перечислены торговый зал и лаборатория. Значит, её готовили под конкретный объект.

— Конечно, конкретный. Мы же не салфетку в кафе подписываем.

Денис улыбнулся Наталье Сергеевне, предлагая ей разделить усталость разумного человека, которому досталась дотошная бывшая жена. Раньше после такой улыбки я начинала говорить быстрее и тише. Сегодня меня больше не ждали ни общий автомобиль, ни квартира, оформленная на его компанию, ни должность главного технолога в его сети.

Должность я оставила неделю назад, чемодан — в камере хранения на вокзале. При мне остались ноутбук и сто восемьдесят пять тысяч на личном счёте.

Ещё ключ лежал во внутреннем кармане сумки.

— На дом есть независимая оценка? — спросила я.

— Есть предварительная.

— Покажите.

— Лада, там развалина. Крыша течёт, проводку надо менять, разрешение на торговлю просрочено. Ты за первый месяц потратишь половину компенсации, а потом всё равно продашь.

— Тогда зачем развалина «Балансу»?

Он сцепил пальцы на столе.

— Под региональный реабилитационный центр. Это социальный проект, прибыли там почти не будет.

— И проекту нужны права на природные воды.

— Проекту нужно отсутствие сюрпризов в документах.

Наталья Сергеевна положила ладонь на мой экземпляр, не закрывая текст.

— Я обязана уточнить: приложение четыре не является необходимой частью соглашения о разводе. Это отдельная имущественная сделка. Вы можете подписать остальные документы сегодня, а решение по дому принять позже.

Синяя крошка в часах оставалась неподвижной.

Денис не колдовал. Он никогда не нуждался в магии, чтобы сделать свой вариант единственным разумным.

— Спасибо, — сказала я медиатору. — Приложение я не подписываю.

— Ты отказываешься от шестисот пятидесяти тысяч? — спросил Денис.

— Я отказываюсь передавать дом.

— На содержание которого у тебя нет денег.

— Это уже моя проблема.

— Пока она не стала общей.

— Мы как раз собрались подписать документ о том, что общих проблем у нас больше нет.

Наталья Сергеевна кашлянула и придвинула ко мне первую закладку. Денис убрал руку со стола.

Я начала читать соглашение заново.

Первые страницы касались расторжения брака, дальше шли счета и обязательства. Квартира принадлежала «Балансу», машина числилась в корпоративном лизинге, а мои рецептуры сборов и мазей были оформлены как служебные разработки.

У каждой потери имелся номер договора.

— Пункт восемь, — сказала я. — Здесь написано, что стороны не имеют иных имущественных претензий, известных на дату подписания. Приложение четыре вы убрали. Дом остаётся моей личной собственностью. Верно?

Наталья Сергеевна кивнула.

— Верно. Я внесу уточнение в протокол, чтобы исключить разночтение.

— И выдайте мне заверенные копии обоих вариантов приложения. Того, которое принесли вы, и того, которое было в комплекте Дениса.

Он чуть повернул голову.

— Зачем тебе черновик?

— На память.

— Ты теперь будешь хранить каждую бумагу, к которой я прикасался?

— Только ту, где пропущена страница.

Я ожидала, что он рассердится. Денис лишь потёр большим пальцем край запонки и снова улыбнулся — уже мне.

— Хорошо. Забирай дом. Через месяц сама попросишь найти покупателя.

— Возможно.

— И я помогу. Без обид и условий.

— Тогда впервые внимательно прочитаю договор.

Наталья Сергеевна опустила взгляд, но уголок её рта дрогнул.

Мы подписывали документы сорок минут. Я проверяла номера страниц, даты и каждую сноску. Собственная фамилия на последней строке давалась тяжелее любого лабораторного отчёта.

Сначала я по привычке написала первую букву «С».

Остановилась, зачеркнула подпись и попросила новый лист.

— Можно было просто исправить, — заметил Денис.

— В документе о смене фамилии исправления не допускаются, — сказала Наталья Сергеевна.

Передо мной положили чистый бланк.

Лада Андреевна Морозова.

Я не носила эту фамилию двенадцать лет. Рука пыталась свернуть линию раньше. Я дописала последние две буквы, поставила дату и отложила ручку.

Во внутреннем кармане сумки стало горячо.

Сначала я решила, что перегрелся телефон, хотя он лежал передо мной. Потом тепло коснулось рёбер через подкладку. Я расстегнула сумку и достала небольшой полотняный мешочек.

Денис посмотрел на него без интереса.

— Ты всё-таки взяла этот хлам с собой.

Мешочек сшила бабушка. Внутри лежали три ключа: от парадной двери, лаборатории и сейфа. Я коснулась длинного.

Металл был тёплым, почти горячим.

— Что случилось? — спросила Наталья Сергеевна.

— Ничего.

Я переложила ключ на ладонь. Ни ожога, ни свечения, ни привычного покалывания от бытовых чар. Только ровное тепло, которому неоткуда было взяться в сумке у моих ног.

Денис протянул руку.

— Дай посмотрю.

Я закрыла пальцы.

— Нет.

Он замер на долю секунды и опустил ладонь.

— Как хочешь.

Наталья Сергеевна активировала нотариальную пластину, проверила наши подписи и прижала к документам рельефную печать.

— Расторжение зарегистрировано. Электронные копии появятся в личных кабинетах в течение часа. Госпожа Морозова, заявление о возврате фамилии принято. Новый паспорт необходимо оформить в течение тридцати дней.

Вместе с документами она выдала мне временную справку на фамилию Морозова.

Госпожа Морозова.

Я ожидала боли, облегчения или хотя бы желания заплакать. Вместо этого заметила на своём экземпляре тёмную крупинку.

Она лежала у края синего оттиска на приложении четыре.

Я провела рядом подушечкой пальца. На бумаге остался жирный серый след, похожий на размягчённый воск. Ещё несколько крупинок забились в рельеф печати. На втором экземпляре их не было.

— У вас тонер сыплется? — спросила я.

Наталья Сергеевна взяла лист за угол.

— Принтер струйный. А печать сухая.

Она потянулась за салфеткой, но я остановила её.

— Можно конверт?

Денис тихо выдохнул.

— Серьёзно?

— Грязь появилась после заверения. Я хочу сохранить лист в том виде, в каком получила.

— Ты шесть лет утверждала составы для тридцати филиалов и никогда не устраивала расследование из-за пыли.

— Я как раз поэтому знаю, что образец сначала сохраняют, а потом решают, важен он или нет.

Наталья Сергеевна достала прозрачный пакет для документов. Я сама вложила туда приложение, заклеила край и написала дату. Рука больше не дрожала.

Синяя крошка в часах качнулась.

Всего один раз, будто стол задела коленом.

Я посмотрела на Дениса. Он сидел неподвижно. Наталья Сергеевна уже убирала печать и не заметила движения.

Я тоже ничего не сказала. Часы фиксировали воздействие, а не виновного. К тому же крупинки сразу осели на дно и снова замерли.

В коридор мы вышли порознь. Денис задержался уточнить что-то у медиатора, а я дошла до окна и впервые за утро нормально вдохнула. На улице шёл мелкий дождь. По стеклу тянулись ровные дорожки воды, за ними расплывались вывески банков и брачных агентств.

Телефон сообщил, что брак расторгнут. Следом пришло уведомление из «Баланса»: окончательный расчёт перечислен. Потом написала хозяйка квартиры, которую я сняла на неделю.

«Подтвердите, пожалуйста, что заедете до двадцати двух».

Я подтвердила.

— Лада.

Денис подошёл со спины, но остановился в двух шагах. Прежде он положил бы ладонь мне на локоть и развернул к себе. Возможно, присутствие медиатора за дверью всё-таки приносило пользу.

— Я отвезу тебя, — сказал он. — Дождь, чемодан тяжёлый. Не надо превращать нормальное расставание в показательное выступление.

— Чемодан на вокзале.

— Тем более. Поехали, заберём.

— Я вызову такси.

— Потому что теперь обязана всё делать сама?

Я посмотрела на пакет с документами, который держала обеими руками. Под прозрачной плёнкой была видна чёрная пыль.

— Потому что я сказала «нет».

Денис поджал губы. Не зло — скорее с досадой человека, которому второй раз за час пришлось услышать непрактичный ответ.

— Хорошо. Когда разберёшься с домом, позвони. Предложение по компенсации я поддержу до конца месяца.

— Пришли его письменно.

— Ты теперь всё будешь просить письменно?

— Постараюсь.

Он ушёл к лифтам. Я дождалась, пока двери закроются, и только тогда убрала тёплый ключ обратно в мешочек.

Я спустилась в маленькую кофейню на первом этаже и открыла приложение железной дороги.

Ближайшая электричка прибывала затемно, а ночевать в доме с отключённым отоплением я не собиралась. Утренние места оставались только на послезавтра.

Я выбрала вагон, место у окна и внесла данные нового документа по временной справке.

В графе «Пассажир» впервые за двенадцать лет написала: Лада Морозова.

ГЛАВА 1. Опечатано до выяснения

Через два дня я сошла на станции Рябинов с одним чемоданом, двумя пакетами документов и намерением продать всё, что нельзя привести в порядок за сто восемьдесят пять тысяч рублей.

Я повторяла это себе все три часа двадцать минут пути, пока за окном город сменялся мокрым от сентябрьского дождя лесом.

На платформе ждала Мила.

Я написала ей из электрички, хотя мы не виделись почти четыре года. Мила ответила через минуту: «Встречу. Возражения принимаю только вместе с номером вагона».

Она стояла в жёлтом плаще с двумя бумажными стаканами. Светлые волосы теперь были обрезаны до подбородка, но привычка занимать больше места, чем позволял рост, сохранилась.

— Кофе, — сказала она вместо приветствия и протянула мне стакан. — Без сиропа. После развода сладкое можно выбирать самой.

— Я и раньше выбирала.

— Конечно. Поэтому ты всегда брала тот же карамельный, что и Денис.

Я сделала глоток. Кофе оказался крепким и горьким.

— Спасибо.

Мила обняла меня одной рукой, второй удерживая стакан подальше от моей куртки. От неё пахло корицей и свежим тестом.

— Чемодан один? — спросила она.

— Остальное заберу, когда решу, где жить.

— Правильный ответ — в Рябинове.

— Я приехала оценить дом.

— Неправильный ответ можешь повторить после завтрака.

— Сначала дом.

Мила посмотрела на часы, вздохнула и взялась за ручку моего чемодана раньше, чем я успела возразить.

— Тогда пошли разочаровываться на голодный желудок.

До Аптекарского переулка было пятнадцать минут пешком. Я узнавала водонапорную башню, липовую аллею и булочную, где оберег от птиц щёлкал настолько предсказуемо, что голуби давно к нему приспособились.

Магией в Рябинове сушили подвалы, отводили плесень и проверяли договоры. Бабушка называла чудом только то, за что не требовался квартальный отчёт. Наследный дар у меня так и не проявился: в семейной лавке я работала с весами, обычными настоями и кассой.

— Ты предупредила Зою Петровну? — спросила Мила.

— Нет.

— Она всё равно узнает.

— Сначала я хочу посмотреть дом без комиссии из бабушкиных подруг.

— Зоя Петровна одна заменяет комиссию, пожарный надзор и суд первой инстанции.

— Вот поэтому и не предупредила.

Мы свернули в переулок.

Лавка стояла в конце короткого ряда старых домов. Два этажа красного кирпича, четыре окна по фасаду, узкий двор за кованой калиткой. Буквы на вывеске выпцвели, но надпись ещё читалась: «Аптекарская лавка Морозовых». Под ней сохранилась пустая рамка, где раньше висел режим работы.

Крыша не провалилась. Стёкла были целы. Водосток у правого угла отошёл от стены, а штукатурка над цоколем вздулась от сырости. Я поставила чемодан под навес и сняла на телефон фасад, водосток, окна и дверь.

— Ты фотографируешь родной дом, как место преступления, — заметила Мила.

— Как объект, который мне предложили обменять на шестьсот пятьдесят тысяч.

— За эти деньги здесь сейчас две комнаты без ремонта.

— Значит, Денис либо щедрый, либо знает то, чего не знаю я.

— На щедрого он никогда не был похож.

Я достала полотняный мешочек. Длинный ключ за два дня остыл и больше ничем не отличался от старого куска железа. На всякий случай я коснулась его тыльной стороной пальца, потом вставила в замок.

Ключ вошёл туго. Я приподняла ручку, нажала плечом на дверь и повернула металл на два оборота. Перед третьим оборотом из глубины замка донёсся мягкий щелчок. По пальцам прошло короткое тепло.

— Почувствовала? — спросила Мила.

— Замок заело.

— Я не про замок.

— Я тоже пока не уверена.

Дверь открылась.

В торговом зале пахло пылью, сушёной мятой и влажной штукатуркой. Шторы были сняты, мебель накрыта серыми полотнищами. За прилавком стояли пустые аптекарские шкафы с маленькими латунными ручками. На полу виднелись следы прошлой уборки, но свежих отпечатков не было.

Я оставила дверь открытой и достала из бокового кармана фонарь.

— Электричество отключено, — сказала Мила.

— Газ тоже?

— Пять лет как. Воду перекрывали прошлой осенью, когда у соседей трубу прорвало.

— Кто заходил?

— Зоя Петровна проверяла окна. Я была пару раз. Ключ от калитки у меня, от дома — нет.

Я занесла это в заметки.

На проверку первого этажа ушло сорок минут. В лаборатории сохранились каменные столы, сушильный шкаф и подписанные коробки с обычной посудой. Магические чаши и контрольные пластины отсутствовали. В кладовой лежали четыре мешка просроченного сырья. Я фотографировала этикетки, записывала партии и считала стоимость утилизации.

— Тебе обязательно заниматься этим сегодня? — спросила Мила, наблюдая, как я завязываю очередной мешок.

— Если здесь плесень, я должна понять, насколько она распространилась.

— Ты больше не главный технолог «Баланса».

— Плесень об этом не знает.

Мила фыркнула и пошла открывать окна во втором конце зала.

Дверь в подвал находилась за лабораторией. Сверху к косяку была прикреплена металлическая табличка: «Природный источник. Консервация. Доступ только в присутствии специалиста». Дата — пять лет назад, задолго до смерти бабушки.

Поперёк внутренней двери тянулась старая белая лента с гербом Отдела магической безопасности. С лестницы её почти не было видно.

Я остановилась на первой ступени.

— Лада, — позвала Мила из лаборатории. — Не лезь туда одна.

— Я не открываю опечатанную дверь. Только смотрю лестницу.

— Все неприятности начинаются со слов «только смотрю».

Ступени были каменными и сухими. На второй лежал кусок отвалившейся извести. На третьей что-то блеснуло в свете фонаря.

Я присела, не сходя с первой ступени, и приблизила луч.

Мелкая металлическая пыль собралась у края камня. Не тёмная, как старый налёт на лабораторном кране, а яркая, красновато-золотая. Рядом проходила тонкая царапина, будто по ступени недавно протащили тяжёлую медную деталь.

— Мила, сфотографируй от двери, пожалуйста.

— Уже.

Я услышала щелчок камеры.

— На следующую ступень не наступайте, — сказал незнакомый мужской голос.

Я выпрямилась слишком резко и ударилась плечом о косяк.

В торговом зале стоял мужчина в тёмной рабочей куртке. Он не пытался пройти дальше Милы и держал раскрытое служебное удостоверение так, чтобы мы обе видели фотографию и печать.

— Старший инспектор Отдела магической безопасности Арсений Михайлович Ратников, — представился он. — Кто открыл порог?

Я поднялась в лабораторию и закрыла дверь на лестницу, не касаясь ленты.

— Сначала объясните, как вы вошли.

— Через открытую парадную дверь. Я дважды постучал.

— Мы были в подвале, — сказала Мила.

— Вы были у входа в подвал. Ниже не спускались?

— Нет, — ответила я. — Теперь объясните, почему вы здесь.

Он протянул удостоверение ближе. Я прочитала фамилию, должность, срок лицензии проклятолога и номер жетона. Документ был действующим. На правой стороне по краю шла тонкая металлическая нить, защищавшая от подделки.

Ратников выглядел старше фотографии: седина у висков, тени под глазами. Под низкой аркой ему пришлось наклониться. На обеих руках были тонкие чёрные перчатки.

— В десять сорок три муниципальный контур зарегистрировал активацию законсервированного источника, — сказал он. — В реестре владелицей указана Аграфена Ильинична Морозова с отметкой о смерти. Поэтому сигнал получил дежурный инспектор.

— Источник активировался, когда я открыла дверь?

— Сигнал поступил через семь секунд после открытия порога. Кто вы?

— Лада Андреевна Морозова. Внучка и собственница дома.

Он перевёл взгляд на полотняный мешочек в моей руке.

— Фамилию вернули недавно?

— Позавчера.

— Документы о праве собственности с собой?

— Да. Но прежде чем я их покажу, назовите основание для осмотра.

Ратников не предложил мне успокоиться и не повторил вопрос громче. Достал из внутреннего кармана небольшой планшет, открыл нормативный раздел и повернул экран ко мне.

— Пункт двенадцать положения о природных магических источниках. При самопроизвольной активации законсервированного объекта инспектор обязан проверить защитный контур и ограничить доступ к камере до выяснения причины. Осмотр жилого этажа без вашего согласия я проводить не буду. Мне нужны порог, лестница и нижняя печать.

Я прочитала текст до конца.

— Мила останется свидетелем. Мы будем фотографировать ваши действия.

— Хорошо. Только без вспышки возле нижней печати.

Он не спросил, зачем мне свидетель, и не обиделся на телефон в руках Милы. Поставил у входа в лабораторию узкий железный кейс, надел поверх перчаток прозрачные защитные и попросил нас держаться за белой плиткой пола.

— Здесь проходит граница старого рабочего круга, — пояснил он. — Пока я не проверю остаточный заряд, внутрь лучше не заходить.

— Я сорок минут ходила по лаборатории.

— Поэтому начну с вас.

Из кейса он достал бумажную полоску в стеклянной рамке. Поднёс к рукаву моей куртки, не прикасаясь. Полоска осталась белой.

— Активного следа нет. Головокружение, холод в пальцах, металлический вкус?

— Нет.

— У меня кофе горький, — сообщила Мила. — Но он таким был на вокзале.

Ратников посмотрел на её стакан.

— Тогда это вне моей компетенции.

Мила кашлянула, скрывая смех. Я отметила, что инспектор всё-таки умеет шутить, и сразу разозлилась на себя за ненужное наблюдение.

Он проверил границу лаборатории, косяк и верхнюю ступень. На стеклянной рамке проступила тонкая оранжевая полоса.

— Контур получает питание, — сказал он.

— Это опасно?

— Само по себе — нет. Опасно, что источник должен быть изолирован. Вы говорили о металлической пыли?

Мила показала фотографию. Ратников увеличил снимок и попросил разрешения спуститься на первую ступень.

Я разрешила.

Он двигался медленно, сначала освещая место, куда собирался поставить ногу. Возле третьей ступени раскрыл бумажный контейнер, провёл по пыли узкой лопаткой и запечатал образец. На контейнере написал время, адрес и номер своей лицензии.

— Это медь? — спросила я.

— Предварительно. Лаборатория подтвердит.

— Пыль свежая.

— Почему вы так решили?

— Цвет. Здесь сыро. Старая медь потемнела бы, особенно после контакта с известью.

Он направил фонарь на царапину, затем на нижнюю дверь.

— Согласен. След появился не пять лет назад.

— Лента целая.

— Эта дверь целая. У камеры есть технический вход со двора.

Я не помнила никакого входа. В детстве мне запрещали спускаться ниже лаборатории, а план дома после смерти бабушки я так и не открыла.

— Кто имел к нему доступ?

— Это я собирался спросить у вас.

— С момента смерти бабушки дом был закрыт. Консервацию оплачивал мой бывший муж. Работы выполнял подрядчик, название я не помню.

— Денис Соколов?

— Вы его знаете?

— Его компания указана плательщиком в акте. Лично мы не знакомы.

Ратников спустился ещё на одну ступень и остановился перед белой лентой. Не касаясь печати, подсветил её сбоку.

У края герба лежала чёрная пыль.

С такого расстояния она выглядела точно так же, как крупинки на приложении к соглашению.

— Подождите, — сказала я.

Я вернулась к сумке, достала прозрачный пакет и показала ему документ сквозь плёнку.

— Это появилось позавчера после нотариального заверения. Я не утверждаю, что вещи одинаковые. Только цвет и структура похожи.

Ратников поднялся, не протягивая рук к пакету.

— Правильно, что не открыли.

— Вы знаете, что это?

— По внешнему виду такие вещи не определяют. Нужны отдельные образцы и контрольная проба. Документ храните в сухом месте, не складывайте и никому не передавайте без расписки.

Совет был настолько близок к тому, что я сама сказала Денису, что напряжение в плечах немного отпустило.

— Образец с печати вы тоже возьмёте?

— Да, если разрешите вскрыть внешний защитный кожух. Саму ленту я не нарушу.

— Разрешаю. Под запись.

Мила подняла телефон.

Ратников заменил прозрачные перчатки, снял две крупинки стерильной пластиной и поместил их в отдельную ампулу. Мне выдал электронную квитанцию с номером и тут же продублировал её на бумаге из маленького принтера в кейсе.

— Удобно, — сказала Мила.

— После активаций связь иногда не работает, — ответил он.

Осмотр двора подтвердил его слова о техническом входе. За разросшимся боярышником обнаружилась узкая железная дверца почти вровень с цоколем. Навесной замок висел на месте, но металл вокруг дужки был светлее, чем на корпусе. Ратников не стал объявлять, что замок открывали. Сначала сфотографировал, измерил царапины и взял сыв.

Я наблюдала за последовательностью и невольно сравнивала её с приёмкой сырья. Сначала общий вид. Затем маркировка. Образец. Новые перчатки. Время и подпись. Ни одного движения ради впечатления.

— Что теперь? — спросила я, когда мы вернулись в торговый зал.

— Я ставлю временную пломбу на оба входа в нижнюю камеру и ограничиваю торговую деятельность на первом этаже. Второй этаж проверю индикатором с порога, если разрешите. При чистом результате там можно находиться, но пользоваться водой до анализа нельзя.

— На сколько вы закрываете лавку?

— Первичное ограничение — семьдесят два часа. За это время лаборатория проверит образцы. Отдельно начинает действовать тридцатидневный срок: вы должны подать заявление на временную лицензию либо повторно законсервировать источник.

— Я не ведьма.

— Это установит проверка отклика. Источник зарегистрировал наследную сигнатуру, но способность и квалификация — разные вещи.

— А если я решу продать дом?

— До определения статуса источника переход права не регистрируют. После консервации продать можно. Права на природные воды оформляются отдельно и требуют подтверждённого добровольного согласия владельца.

Я вспомнила приложение четыре.

— Сколько стоит повторная консервация?

— Смету составляют лицензированные мастера. Я дам список и городские тарифы на обязательные работы. Выбирать подрядчика будете сами.

— А временная лицензия?

— Дешевле на первом этапе, дороже по ответственности. Потребуется наставник, восстановленная лаборатория и журнал практики.

Он не советовал ни продавать, ни сохранять дом. Просто перечислял последствия. После разговоров с Денисом это казалось почти подозрительным.

На втором этаже индикаторы не изменили цвет. Потолок оставался сухим, но спать без электричества и воды я не собиралась.

Ратников заполнил предписание в торговом зале. В графе собственника сначала появилась фамилия Соколова. Я молча положила рядом временную справку.

Он прочитал её и исправил запись.

— Лада Андреевна Морозова, — произнёс он, проверяя данные. — Телефон и электронная почта прежние?

— Телефон да. Почту укажу личную.

— Уведомления будут приходить туда. Завтра до двенадцати свяжется лаборатория. Если почувствуете холод без причины, заметите новый металлический след или пломба изменит цвет, выйдите из здания и позвоните по номеру в предписании.

— Что значит «изменит цвет»?

— Сейчас она белая с синей полосой. Любой серый или чёрный участок — повод выйти. Не проверять самостоятельно.

— Понятно.

Он передал мне планшет для подписи. Я прочитала все три страницы, включая перечень изъятых образцов. На последней стояла строка: «Содержание документа разъяснено, копия получена». Только после этого расписалась.

Ратников дождался, пока система примет подпись.

— У вас есть вопросы по процедуре?

— Есть. Почему сигнал сработал только сегодня, если кто-то входил в техническую дверь раньше?

— У технического входа нет наследного порога. Сигнал фиксирует активацию источника владельцем, а не каждое нарушение замка.

— Значит, кто-то мог работать внизу, пока источник считался выключенным?

— Мог пытаться. Ответ будет после осмотра камеры.

— Через семьдесят два часа?

— Раньше, если анализ покажет непосредственную угрозу.

Он закрыл кейс и направился к двери.

— Арсений Михайлович.

Ратников обернулся.

— Вы сказали, источник зарегистрировал мою сигнатуру. Это могло произойти из-за смены фамилии?

— Из-за одной записи в паспорте источники не просыпаются. Вы открыли семейный порог собственным ключом и вошли как владелица. Фамилия могла быть частью подтверждения, но не единственной причиной.

— А ключ должен нагреваться?

Его взгляд переместился на мешочек в моей руке.

— Насколько сильно?

— В первый раз почти обжёг. Сегодня был просто тёплым.

— До проверки не носите его у тела. Заверните в хлопок и храните отдельно от документов.

— Это опасно?

— Это неизвестный эффект. Пока не проверено, я не называю его безопасным.

Мне понравился ответ. Не сам смысл, от которого стало тревожнее, а отсутствие попытки успокоить меня удобной ложью.

Ратников кивнул Миле и вышел. Через окно я видела, как он ещё раз сфотографировал фасад, отправил сообщение и убрал телефон. Потом пошёл к началу переулочка, не оглядываясь.

— Суровый, — сказала Мила.

— Нормальный инспектор.

— Я ничего не говорила про ненормального. Я сказала «суровый».

— Он опечатал мне подвал через час после приезда.

— И пять раз посмотрел, не мёрзнут ли у тебя руки.

— Он проверял магический след.

— Конечно.

Я закрыла тему, вручив ей рулетку.

До четырёх часов мы измеряли помещения и составляли список работ. Проводку следовало менять полностью. Водосток — срочно. Два окна на втором этаже закрывались неплотно, в лаборатории требовалась новая вентиляция, а просроченное сырьё нужно было вывозить как специальные отходы.

По самым скромным расценкам получалось около четырёхсот тысяч. Без крыши, мебели и лицензии.

— У меня есть диван, — сказала Мила, заглянув в таблицу через моё плечо. — И горячая вода. Переночуешь у меня.

Я хотела отказаться. Фраза уже дошла до языка, но за окном снова пошёл дождь, а в квартире наверху температура едва дотягивала до четырнадцати градусов.

— Одну ночь, — сказала я.

— Разумеется. Завтра я снова предложу, а ты снова согласишься на одну.

Перед уходом я проверила обе пломбы, сфотографировала показания индикаторов и заперла парадную дверь. Длинный ключ завернула в чистое хлопковое полотенце, которое нашлось в коробке бабушки, и убрала в отдельный карман чемодана.

В кафе Мила ушла на кухню проверять вечернюю смену, а я заняла столик у розетки и открыла ссылку из предписания.

Система предложила два варианта: «Повторная консервация» и «Заявление на временную лицензию наследного владельца».

Консервация означала оплатить чужую работу, закрыть источник и вернуться в Североград с тем же чемоданом. Временная лицензия требовала наставника, лабораторию, деньги и месяц жизни, которую я не планировала.

Я посмотрела на фотографию приложения четыре. Денис предлагал компенсацию до конца месяца. Инспектор дал мне тридцать дней. Сроки совпадали слишком удобно, хотя совпадение ещё ничего не доказывало.

Я выбрала заявление на временную лицензию.

На третьем экране система запросила кадастровый номер и загрузила сведения об объекте. Фамилия владелицы была указана правильно: Морозова Лада Андреевна. Ниже стояла красная отметка.

«Зарегистрировано обременение».

Я открыла карточку.

Договор залога на сумму 1 850 000 рублей. Залогодержатель — общество с ограниченной ответственностью «Баланс». Дата регистрации — три месяца назад. Основание — нотариально удостоверенное согласие собственницы.

Три месяца назад я была главным технологом компании и женой Дениса. Но согласия на залог бабушкиной лавки я не давала.

Я скачала выписку, сохранила её рядом с приложением о разводе и открыла форму оспаривания обременения.

ГЛАВА 2. Инвентаризация наследства

Утром Мила выдала мне кофе, два сырника и список условий, при которых человек может считать, что переночевал у неё всего одну ночь.

— Зубная щётка должна лежать в стакане меньше суток, — сообщила она. — Чемодан нельзя распаковывать полностью. И ты обязана повторять, что сегодня точно найдёшь гостиницу.

— Сегодня я точно найду гостиницу.

— Прекрасно. Ключи оставь на холодильнике, я вернусь после девяти.

Я доела сырник и перевела ей деньги за продукты.

Мила немедленно отправила платёж обратно.

— Это за завтрак, — сказала я.

— Это творог, а не долговое обязательство.

— Тогда считай авансом за аренду стола.

Она перестала протирать кофейную машину и посмотрела на меня внимательнее.

— Какого стола?

— Пока никакого. Сначала выясню, что осталось в лавке и чем из этого можно торговать без лицензии. Потом предложу тебе цифры.

— Уже лучше. Вчера ты собиралась законсервировать всё и уехать.

— Вчера я не знала про залог.

— То есть тебя удержал чужой подлог?

— Меня удержала необходимость понять, за что именно Денис готов подделывать документы.

Мила кивнула, будто это был вполне уважительный мотив для смены города, профессии и жизненного плана.

В половине девятого я стояла перед лавкой с папкой прозрачных файлов, рулоном мусорных пакетов и купленными по дороге хозяйственными перчатками. Дождь прекратился, но водосточная труба продолжала капать на крыльцо с точностью плохо настроенной капельницы.

Белые пломбы с синей полосой оставались чистыми. Я сфотографировала обе рядом с экраном телефона, чтобы в кадр попало время, и только потом отперла дверь.

За ночь в торговом зале ничего не изменилось. Пахло сухим деревом, пылью и старыми травами. Никакого беспричинного холода я не чувствовала. Длинный ключ, завернутый в полотенце, лежал в наружном кармане сумки и вёл себя как кусок металла, что меня вполне устраивало.

Я начала с описи.

В фармацевтическом производстве нельзя доверять словам «примерно», «где-то было» и «все так делают». Склад либо содержит восемь килограммов сырья с действующим сроком годности, либо не содержит. Паспорт качества либо есть, либо перед вами мешок неизвестного происхождения с убедительной этикеткой.

К одиннадцати у меня получилось семь списков.

Первый — мебель, которую можно было отмыть и оставить. Второй — оборудование, подлежащее проверке. Третий — просроченное сырьё. Четвёртый — сырьё без документов, что практически означало то же самое. Пятый — книги и журналы. Шестой — вещи, которые я не умела опознать. Седьмой назывался «Исчезло» и пока выглядел самым дорогим.

В него вошли магические чаши, контрольные пластины, два медных испарителя, настольные весы высокой точности и большая часть лабораторного стекла.

В одиннадцать двадцать позвонили из инспекционной лаборатории.

— Морозова Лада Андреевна? — уточнила женщина с усталым голосом.

— Да.

— По образцам с объекта на Аптекарском переулке. Признаков прорыва защитного контура нет. В смыве с печати обнаружено постороннее органоминеральное соединение, состав устанавливается. Медная стружка промышленная, свежая, с остатками защитного лака. Ограждение сохраняется до дополнительного осмотра камеры.

Я записывала дословно.

— Когда будет дополнительный осмотр?

— Инспектор согласует время отдельно. До этого нижнюю пломбу не нарушать, воду не включать.

— Копию предварительного заключения я получу?

— В личном кабинете в течение часа.

— Цепочка хранения образцов отражена в копии?

В трубке возникла короткая пауза.

— Да. Номер дела семнадцать-дробь-восемьсот сорок два.

— Спасибо.

Я внесла номер в таблицу и открыла форму оспаривания залога. Система требовала приложить документ, подтверждающий отсутствие согласия. Документ об отсутствии документа — прекрасное изобретение ведомственной мысли. Я отметила спорность подписи, приложила выписку, копию свидетельства о наследстве и запросила копию нотариального согласия из регистрационного дела.

Отправить обращение удалось только с третьей попытки. После отправки система выдала срок ответа: до пятнадцати рабочих дней.

У меня оставалось двадцать восемь календарных дней до решения по источнику.

Я добавила в таблицу ещё один столбец: «Срок».

В половине двенадцатого входная дверь открылась без звонка. На пороге стояла невысокая женщина в тёмно-зелёном плаще, резиновых сапогах и платке, завязанном так туго, будто ветер заранее признали ненадёжным подрядчиком. В одной руке она держала плетёную корзину, в другой — трость из рябины.

— Если ты уже выбросила зверобой из синего шкафа, я зря шла под дождём, — сказала она вместо приветствия.

— Не выбросила. Переместила в зону карантина.

Женщина поставила корзину на прилавок.

— Хоть чему-то в городе научили.

— В Северограде. Лада Морозова.

— Я знаю, чья ты. Зоя Петровна Бабкина, лицензия травника сорок два-РБ. Аграфена велела мне дать тебе сутки на глупости, если вернёшься. Сутки прошли.

Я посмотрела на неё.

— Бабушка умерла восемь месяцев назад.

— И велела до этого. Не делай из покойницы пророчицу, она просто хорошо знала родственников.

Это мне понравилось больше, чем возможные таинственные намёки.

Зоя Петровна достала из корзины чистый халат, увеличительное стекло и портативный влагомер.

— Показывай карантин.

— Сначала удостоверение и область допуска.

Она прищурилась, затем вынула пластиковую карточку и положила передо мной.

— Аграфена была права ещё в одном.

— В чём?

— Ты задаёшь правильный вопрос так, будто ожидаешь за него выговор.

Лицензия действовала ещё два года и разрешала оценку растительного сырья, наставничество по настройке первой категории и утилизацию безопасных сборов. Доступа к источникам у Зои Петровны не было. Я сфотографировала карточку с её согласия и провела в склад.

За следующие сорок минут она доказала, что возраст не мешает человеку двигаться быстрее владельца помещения и выразить неодобрение одним положением бровей.

— Это в утиль, — говорила она, едва взглянув на упаковку.

— Срок истёк два месяца назад, упаковка герметична.

— Ты собираешься пить или продавать?

— Ни то ни другое. Сначала анализ.

— Анализ стоит дороже липы. В утиль.

С можжевельником она согласилась только после измерения влажности. Мятую забракосовала из-за запаха плесени, который я почувствовала лишь после того, как она растёрла лист между пальцами. Три запечатанные партии шиповника сохранили документы и годность. У сушёной рябины срок заканчивался через четыре месяца.

— Это можно использовать в обычных сборах? — спросила я.

— После контрольного анализа — можно. Без настройки. Чай, полоскание, ванна. На этикетке ни слова про защиту, удачу и мужскую верность.

— Последнее я бы не обещала даже с лицензией.

Зоя Петровна впервые улыбнулась.

— Ведьма из тебя, может, и получится. Торговец чудесами — вряд ли.

— Инспектор сказал, что сначала нужна проверка отклика.

— Инспектор сказал правильно. Источник признал кровь, а не квалификацию. Кошка тоже признаёт хозяйку, но это не даёт хозяйке права лечить кошкой радикулит.

— Вы всегда приводите такие сравнения?

— Только когда человек спешит назвать себя ведьмой.

— Я как раз не спешу.

— Потому и пришла.

Она произнесла это буднично и перешла к следующему мешку.

К часу мы оставили для анализа пять партий и приговорили к утилизации двадцать три. Услуга лицензированной компании стоила от двенадцати тысяч. Проверка сохранного сырья — ещё семь. Я внесла суммы в таблицу, и остаток на счёте стал выглядеть менее уверенно.

— Где журналы Аграфены? — спросила Зоя Петровна.

Я показала шестой список и шкаф в лаборатории.

Бабушкины записи занимали две полки. Рецептурные тетради были подписаны по годам и видам работы. Производственные журналы — пронумерованы, прошнурованы и скреплены сухими печатями городской палаты. Последний том заканчивался датой за неделю до бабушкиной смерти.

Зоя Петровна надела очки и пролиستала его от конца к началу.

— Здесь был лист.

Между страницами сто восемнадцать и сто двадцать один из корешка торчала узкая бахрома бумаги. Нумерация шла через один разворот: лист со страницами сто девятнадцать и сто двадцать вырвали целиком.

Я положила журнал на стол, включила верхний свет и сфотографировала корешок с линейкой.

— Что должно было быть на сто девятнадцатой?

— По оглавлению — отбор воды из нижней камеры.

На внутренней стороне обложки бабушка перечисляла операции: дата, страница, вид состава. Последняя строка была написана её мелким угловатым почерком: «Контрольный отбор источника перед внеплановой проверкой — 119».

— Она ожидала инспекцию? — спросила я.

— Позвала сама. За неделю до смерти пришла ко мне за новыми пробками и сказала, что расход воды не сходится с показаниями консервационного контура.

— Источник считался выключенным.

— Поэтому расход и не должен был появиться.

Я открыла предварительное заключение лаборатории. Свежая медная стружка с защитным лаком. Кто-то недавно протащил по лестнице оборудование или трубу. Кто-то раньше вырвал страницу с контрольным отбором.

— Вы видели результаты бабушкиной пробы?

— Нет. Она собиралась передать их инспектору. Потом попала в больницу.

— Какому инспектору?

— Не знаю. Мы говорили на рынке, там люди ходили мимо. Аграфена не называла фамилию.

— От чего она умерла?

Зоя Петровна сняла очки.

— У неё отказало сердце. Семьдесят девять лет, гипертония, два приступа до этого. Не ищи яд только потому, что нашла вырванную бумагу.

— Я и не ищу. Проверяю хронологию.

— Тогда запиши: вечером стало плохо, утром сосед вызвал скорую, через четыре дня она умерла в областной больнице. Врачи ничего магического не нашли. Я спрашивала.

Я записала. Причина смерти и исчезновение страницы могли существовать рядом, не будучи связаны. Смешивать их было бы удобно и глупо.

— У неё должны были остаться копии?

— Аграфена копировала важное. Только не всегда хранила копию там же, где оригинал.

До трёх часов мы проверяли книги, коробки и папки. В одном справочнике нашлись квитанции за электроэнергию десятилетней давности, в другом — засушенный лист смородины. Копии страницы сто девятнадцать не было. Зато за задней стенкой шкафа я обнаружила узкий конверт с чеками на замену нижних печатей пять лет назад. Плательщиком снова значился Денис. Исполнитель — мастерская «Чистый контур», больше никаких фамилий.

— Почему он оплачивал бабушкины работы? — спросила Зоя Петровна.

— Говорил, что помогал ей с домом.

— Помогал. Аграфена плохо видела мелкий шрифт, а ты жила в Северограде. Денис приезжал, ставил приложения в электронную систему, возил бумаги.

— Она ему доверяла?

— Она доверяла тебе. А ему позволяла выполнять поручения, потому что он был твоим мужем. Это не одно и то же.

Я провела пальцем по строке с оплатой. Пять лет назад Денис уже знал о нижней камере. В кабинете медиатора он назвал дом развалиной и предложил деньги за природные воды так, будто впервые увидел формулировку в перечне имущества.

Телефон показал два пропущенных вызова с незнакомого городского номера. Я перезвонила.

Ответил Арсений Ратников.

— Лада Андреевна, получил предварительный анализ. Могу провести дополнительный осмотр завтра в десять, если вам подходит.

— Подходит. У меня есть сведения, которые нужно добавить в дело. В производственном журнале вырван лист об отборе воды за неделю до смерти бабушки. По оглавлению она готовилась к внеплановой проверке.

Он помолчал ровно столько, чтобы я услышала шелест бумаги.

— Журнал сейчас у вас?

— В лаборатории. Я его сфотографировала, не упаковывала и не перемещала за пределы комнаты.

— Не трогайте корешок. Завтра оформим осмотр и копирование. Кто присутствовал при обнаружении?

— Зоя Петровна Бабкина, лицензированный травник.

— Хорошо. Я внесу её как свидетеля. Есть ещё что-то?

Я посмотрела на квитанцию «Чистого контура».

— Нашла оплату замены нижних печатей. Пять лет назад платил Денис Соколов.

— Этот документ уже есть в деле о консервации.

— А данные о вызове инспектора за неделю до смерти?

Пауза стала длиннее.

— В журнале выездов я проверю отдельно.

— Вы не помните?

— Я не буду отвечать по памяти там, где есть регистрационная запись.

— Справедливо.

— Завтра в десять. До этого пломбы не нарушать.

Он отключился.

Зоя Петровна закрыла журнал чистым листом бумаги, чтобы на него не садилась пыль.

— Ратников?

— Да.

— Хороший резчик. Не любит догадки.

— Это я заметила.

— И ты не любишь. Вам будет неудобно.

— Мы не собираемся жить в одной лаборатории.

— Я сказала про работу.

Я убрала телефон в карман. Зоя Петровна невозмутимо проверяла крепление своих очков.

К четырём я знала достаточно, чтобы перестать считать лавку бесполезной.

Здание требовало ремонта, но торговый зал можно было восстановить по частям. Пять партий сырья имели шанс пройти проверку. Рецептуры обычных сборов не требовали магической лицензии, если я соблюдала требования к пищевой продукции и не обещала лечебного действия. Мои диплом и стаж позволяли вести технологическую документацию. Продавать это всё в опечатанной лавке было нельзя, но необязательно было ждать снятия ограничения, чтобы начать.

Я позвонила Миле.

— У тебя в кафе есть свободный метр прилавка?

— Метр есть. Свободы у него меньше.

— Я буду продавать фасованные травяные чаи без магической настройки. Отдельная касса, отдельная вывеска, сертификаты и санитарная зона. Мне нужен угол, розетка и место в сухом шкафу.

— Приходи после закрытия. Посмотрим.

— Это будет аренда.

— Я поняла с первого завтрака.

Зоя Петровна одобрила идею не словами, а тем, что достала телефон и продиктовала номер лаборатории, где проверка пяти партий стоила шесть тысяч четыреста, а не семь.

— Но до результатов ничего не фасуешь, — предупредила она.

— Разумеется.

— И этикетку покажешь мне.

— Почему?

— Чтобы слово «волшебный» не пролезло мелким шрифтом.

— Вы начинаете мне доверять.

— Я начинаю правильно тебя контролировать.

В кафе мы с Милой выбрали место у окна, на расстоянии от линии выдачи и кофемолки. Там стоял узкий стол, где раньше продавали открытки местных художников. Мила предложила убрать его бесплатно. Я отказалась от бесплатного варианта и открыла таблицу.

— Пять тысяч в месяц, включая электричество и шкаф. Касса моя. Уборка зоны моя. Если мешаю проходу или получаю претензию санитарной службы, съезжаю за два дня.

— Три тысячи.

— Пять.

— Ты торгуешься в неправильную сторону.

— Три тысячи выглядят как помощь подруге. Пять — как дешёвая аренда метра в действующем кафе.

— А если я хочу помочь подруге?

— Тогда помоги мне не делать вид, что у проекта нет расходов.

Мила закрыла мою таблицу ладонью.

— Хорошо. Пять. Но кофе по себестоимости.

— Это можно включить в приложение.

— Если ты составишь приложение к аренде на кофе, я подмешаю тебе обычный сахар.

Мы подписали простой договор на месяц. Я перевела пять тысяч и вычеркнула из ближайших расходов замену окон на втором этаже. Заклеить щели можно было временной лентой. Спать ещё несколько дней на диване у Милы — тоже, если не обсуждать это слишком подробно.

К восьми вечера договор лежал в моей папке, лаборатория приняла заявку на анализ сырья, а в телефоне появился отдельный счёт проекта. Я назвала его «Лавка», потому что выбирать красивое название при нулевой выручке казалось преждевременным.

Оставалось забрать из дома ноутбук и проверить пломбы.

В Аптекарском переулке уже горели фонари. Я включила в телефоне запись до того, как отперла дверь. Белая пломба на техническом входе сохранила синюю полосу. Нижняя — тоже. Индикаторы на втором этаже не изменились.

Я поднялась в лабораторию, убрала договор в папку и взяла ноутбук. На выходе луч фонаря скользнул под лестницу.

Вчера там стояли коробки с пустыми банками. Днём я перенесла их к стене, чтобы добраться до нижнего ящика шкафа. Теперь на пыльном полу виднелся прямоугольный край чего-то серого.

Я присела, не касаясь находки. Под первой ступенью, за узкой планкой, была приклеена пломба размером с почтовую марку. Не сухая бумажная, какими пользовалась городская палата пять лет назад, а современная полимерная: серое поле, тонкая медная нить и обрезанный край номера.

Она находилась выше официальной пломбы Ратникова и не перекрывала проход. Её спрятали так, чтобы она фиксировала движение лестничной доски.

Я увеличила изображение на экране. На сером поле сохранились четыре печатных знака: «...НС-47».

Такая же система кодов стояла на контрольных наклейках производственных линий «Баланса». Две буквы обозначали филиал, две цифры — участок.

Я знала это, потому что сама утверждала инструкцию по маркировке.

Трогать пломбу я не стала. Сняла общий план, крупный план с линейкой, записала время и позвонила по номеру из предписания.

Ратников ответил после второго гудка.

— Что изменилось?

— Нашла под лестницей чужую контрольную пломбу. Полимер, медная нить, номер обрезан. Похожа на внутреннюю маркировку «Баланса».

— Пломба повреждена?

— Один край срезан до того, как я её увидела. Я не касалась.

— Цвет официальных индикаторов?

— Белый с синей полосой.

— Холод, запах металла, изменение самочувствия?

— Нет.

— Закройте помещение и не оставайтесь там. Я приеду утром с криминалистическим комплектом.

— У меня на десять назначен осмотр.

— Теперь на девять.

— Принято.

Я заперла дверь, проверила видео и отправила копии в облачное хранилище. Потом постояла под неисправным водостоком, слушая, как капли ударяют по металлу.

Утром у меня было наследство, которое проще продать. К вечеру появился проект, договор аренды и улика с маркировкой компании бывшего мужа.

Зоя Петровна перезвонила, когда я дошла до угла.

— Завтра буду к половине девятого, — сказала она. — Возьму реактивы для проверки отклика.

— Инспектор назначил осмотр на девять.

— Значит, успеет увидеть, как ты выполняешь инструкцию.

— Я не соглашалась на проверку.

— согласишься после того, как прочитаешь протокол. Или законсервируешь источник и будешь пятнадцать рабочих дней ждать бумагу о том, почему твой дом уже кому-то должен.

— Вы умеете не давить на человека?

— Умею. Поэтому не стану зажигать состав без твоего письменного согласия. Но прийти могу без него.

Она отключилась.

Я посмотрела на завернутый ключ в раскрытой сумке. За весь день он ни разу не нагрелся.

Это не делало его обычным. Только означало, что завтра мне предстояло выяснить, на что именно он отзывался — и что во мне отвечало ему.

ГЛАВА 3. Дар по инструкции

Зоя Петровна пришла в восемь двадцать семь и первым делом запретила мне прикасаться к её корзине.

— Там рабочие реактивы, — сказала она. — Пока ты не подписала согласие и инспектор не открыл временную процедуру, ты свидетель, а не участник.

— Вчера я была хозяйкой.

— Хозяйкой останешься. Ведьмой можешь не стать.

Она расстелила на лабораторном столе белую салфетку, поставила два одинаковых стакана с притёртыми крышками, коробку с калиброванной солью и запечатанный пакет сушёной рябины. Рядом легли электронные весы, термометр, три чистые ложки и металлический жетон с красной полосой.

Я проверила пломбы и включила обогреватель, подключённый удлинителем из соседнего здания. Мила договорилась с владельцем мастерской через стену и потребовала, чтобы я внесла электричество в расходы проекта. В лаборатории стало шестнадцать градусов вместо вчерашних тринадцати. Для обычной работы мало, для проверки температуры тела — достаточно, чтобы не списать результат на помещение.

— Завтракала? — спросила Зоя Петровна.

— Да.

— Кофе?

— Один.

— Лекарства, алкоголь, успокоительные за последние сутки?

— Нет.

— Температура?

Я протянула ей термометр с показанием тридцать шесть и шесть.

— Не торопись доказывать, что подготовилась. Сначала прочитай.

Она передала мне протокол проверки наследного отклика на шести страницах. Я села за край стола и начала с первой строки.

Проверка не давала квалификации и не заменяла экзамен. Наставник отвечал за состав и порядок действий, инспектор — за законность и остановку при угрозе, проверяемый — за точное выполнение указаний и немедленное сообщение о симптомах. Разрешалось одно включение малого порога длительностью не более шестидесяти секунд. Запрещалось использовать воду источника, вскрывать нижнюю камеру или менять задачу после начала.

В перечне возможных реакций были покалывание пальцев, снижение температуры кожи, тремор, временное ослабление вкуса и обоняния. При боли в груди, спутанности речи и падении температуры ниже тридцати пяти с половиной проверку следовало прекратить и вызвать врача.

— Почему сначала страдают вкус и запах? — спросила я.

— Не всегда сначала. Настройка идёт через способность различать свойства вещества. Тело платит тем, чем ты пользуешься. Наследные линии отличаются.

— А тепло?

— Источник не варит состав вместо тебя. Он усиливает заданную связь, а ты удерживаешь её. На это уходит тепло.

— Возвращается само?

— После малой работы — обычно за несколько часов. После большой можно неделю не чувствовать запаха или заработать повреждение нервов. Поэтому большая работа начинается со сметы риска, а не с храбрости.

Я дошла до пункта о добровольности. Согласие можно было отозвать до произнесения задачи. После активации требовалось сначала выполнить команду остановки, затем отойти от линии.

— Кто сформулирует задачу? — спросила я.

— Я даю точную фразу. Ты произносишь. Сегодня порог должен задержать только активированную контрольную печать с красной меткой. Он не остановит человека, нож, болезнь, дурные намерения или всё зло на свете.

— Если через него пронесут другую печать?

— Ничего не произойдёт.

— Если жетон положить в карман?

— Сработает на жетон, не на карман.

— А без рябины?

— Не будет носителя настройки. Соль удерживает границу, рябина связывает задачу с переходом. Источник даёт питание, ведьма задаёт условие.

— Один состав — одна задача.

— Вот теперь можешь подписывать.

Я подписала согласие, но графу о проведении оставила пустой.

В девять ровно с улицы донёсся звук машины. Арсений вошёл с чёрным кейсом и прозрачной папкой, увидел подготовленный стол и остановился у двери лаборатории.

— Доброе утро. Проверка уже началась?

— Только оформление, — ответила Зоя Петровна. — Составы закрыты.

— Сначала осмотр находки. Процедуры оформим отдельно.

Он надел перчатки, включил нагрудную камеру и попросил меня показать пломбу, не приближаясь к лестнице. Я повторила, когда и при каких обстоятельствах её заметила. Зоя Петровна подтвердила, что днём пространство под ступенью было частично закрыто коробками и находку она не видела.

Ратников снял план помещения, измерил расстояние до официальной печати и только потом отделил серый полимер от древесины тонкой лопаткой. Пломба ушла в пакет между двумя прозрачными пластинами.

— Нить медно-серебряная, — сказал он, рассматривая край. — Используется для регистрации размыкания в ведомственных и производственных системах. Фрагмента кода недостаточно, чтобы установить владельца.

— У «Баланса» маркировка строится именно так.

— Это будет указано как ваше профессиональное пояснение. Потребуется сравнительный образец и журнал выдачи.

— Я могу показать внутреннюю инструкцию, если она сохранилась в моей почте.

— Покажете на экране. Сам файл не пересылайте до запроса, он может содержать коммерческую тайну.

Он не предложил мне добыть доказательство из бывшей компании самостоятельно. Я отметила это с тем же профессиональным удовлетворением, с каким отмечала правильно подписанный контейнер.

После пломбы Ратников осмотрел вырванный лист. Не стал вытаскивать журнал из шкафа, пока не снял отпечатки с дверцы и корешка. Отпечатков оказалось много — бабушкины, мои, возможно, Зои Петровны. Он упаковал журнал целиком, оставив мне расписку и цифровую копию сохранившихся страниц.

— Журнал выездов подняли? — спросила я.

— Да. Внеплановая проверка была зарегистрирована восемь месяцев назад на двадцать восьмое число. Заявитель — Аграфена Ильинична Морозова. Выезд отменён после сообщения о её госпитализации.

— Кто был назначен?

Его рука задержалась на защёлке кейса.

— Я.

— Вы знали бабушку?

— В рамках предыдущей консервации.

— И вы не сказали вчера, что она вызывала вас перед смертью.

— Вчера я не сверил запись. По памяти мог ошибиться в дате и основании.

Ответ соответствовал тому, что он обещал. И всё равно оставлял неприятный осадок: Арсений стоял ближе к истории лавки, чем я считала.

— Что она сообщила при вызове?

— В электронной карточке: расхождение контрольного расхода, просьба проверить целостность консервации. Подробности должны были быть в приложении заявителя. Приложения в архивной копии нет.

— Ещё одна пропавшая страница.

— Ещё один отсутствующий документ. Связь между ними пока не установлена.

Я кивнула. Формулировка была холодной, но правильной.

— Нижнюю камеру сегодня откроете?

— Нет. Постороннее соединение не идентифицировано. Для входа понадобится лабораторная группа и защитный контур. До конца дня назначим время.

Он передал мне новые квитанции и перешёл к столу.

— Теперь проверка отклика. Зоя Петровна, предъявите допуск наставника и сертификаты реактивов.

Она протянула подготовленную папку.

Оформление заняло двадцать две минуты. Арсений измерил температуру воздуха, проверил мой термометр по контрольному, осмотрел руки и попросил назвать все лекарства за последние три дня. Затем прочитал вслух условия остановки и положил на край стола медную пластину аварийного размыкания.

— Если я скажу «остановить», — произнёс он, — вы выполняете команду Зои Петровны и отходите от линии. Не спорите и не пытаетесь закончить красивее.

— Я не умею заканчивать магию ни красиво, ни некрасиво.

— После проверки один из вариантов изменится.

Зоя Петровна фыркнула.

— Не пугай ученицу своим юмором, Ратников. Он у тебя плохо откалиброван.

— Это не юмор.

— Тем более.

Я вымыла руки бутилированной водой, высушила одноразовым полотенцем и встала у стола.

— Две пробы, — сказала Зоя Петровна. — Одинаковые по массе, влажности и температуре. Контрольная покажет, нет ли у смеси собственной реакции или постороннего фона. Рабочая получит задачу. Если обе ведут себя одинаково, отклик не подтверждён.

Она вскрыла соль и высыпала небольшое количество в чистый лоток.

— Отвесь по двенадцать граммов. Сначала контроль.

— Почему двенадцать?

— Для длины линии сорок сантиметров и зерна этого размера. Десять может дать разрыв, пятнадцать увеличит нагрузку без пользы. Не ищи мистику там, где есть расходная норма.

Я оттарировала чашку. Двенадцать целых ноль две сотых. Убрала четыре крупинки чистым шпателем. Двенадцать ровно.

Во вторую чашку отмерила столько же.

— Рябина, — сказала Зоя Петровна. — Ноль целых восемь десятых грамма на пробу. Не дави ягоды. Нам нужна оболочка, а не сок.

Я выбрала целые сушёные ягоды, проверила их под увеличительным стеклом и разделила между чашками. Зоя Петровна налила в два стакана воду из запечатанной бутылки. Температура — сорок два градуса.

— Почему не из источника, понятно, — сказала я. — Почему сорок два?

— Ниже тридцати девяти оболочка раскрывается неровно. Выше сорока пяти рябина отдаёт лишние кислоты, и линия становится хрупкой.

Это была технология. Незнакомая, но не оскорбляющая здравый смысл.

Я смочила первую смесь тремя миллилитрами воды, перемешала семь раз по часовой стрелке и семь — обратно, как было указано в карте. Зоя Петровна остановила меня прежде, чем я взялась за вторую.

— Ложку меняй.

— Я собиралась.

— Тогда меняй молча.

Рабочую пробу я приготовила новой ложкой. Обе выглядели одинаково: влажные белые кристаллы и тёмно-красные кусочки оболочки.

Зоя Петровна положила на пол две бумажные шкалы. Я выстроила на каждой линию длиной сорок сантиметров, проверяя, чтобы кристаллы соприкасались. Контрольная линия пересекала пустой участок лаборатории. Рабочая — внутренний дверной проём.

— Сначала контроль, — распорядилась она. — Я пронесу жетон. Ты наблюдаешь и ничего не произносишь.

Красная полоса на металлическом жетоне была сухой печатью контроля, активированной на десять минут. Арсений проверил её своим индикатором. Зоя Петровна трижды перенесла жетон через контрольную линию: открыто на ладони, в кармане и в закрытом стакане.

Ничего не произошло. Температура соли не изменилась, индикатор молчал.

— Контроль чистый, — сказала я.

— Запиши.

Я внесла показания в протокол.

— Теперь рабочая. Положи ладони на стол, не на смесь. Смотри на всю линию, а не на одно зерно. Произнесёшь: «До остановки не пропускать через эту черту активированную печать с красной меткой». Только это. Не добавляй людей, вред или намерения.

— Как остановить?

— «Задачу завершить, линию отпустить». Повтори.

Я повторила обе фразы.

Арсений встал сбоку от двери. Медная аварийная пластина лежала у него в руке.

— Начинайте, когда готовы, — сказал он.

Я положила ладони на холодную столешницу. Рабочая линия была аккуратной смесью соли и рябины на старом линолеуме. Никакой силы в ней не ощущалось. Я видела разницу между этим и запуском производственной линии: там после нажатия кнопки включались двигатели, загорались датчики, начиналась подача раствора. Здесь от меня ждали, что кнопкой стану я.

— До остановки не пропускать через эту черту активированную печать с красной меткой, — произнесла я.

Первые две секунды ничего не происходило.

На третьей длинный ключ в сумке ударился о металлическую пряжку. Я не двигалась, сумка стояла на стуле в двух метрах от меня.

На четвёртой соль потемнела от влаги, хотя воды в ней не прибавилось. Между кристаллами прошла тонкая светлая полоса, похожая на отблеск лампы. Индикатор Арсения коротко пискнул.

Тепло ушло из кончиков пальцев сразу, без постепенного охлаждения. Я почувствовала каждую неровность столешницы, но кожа стала чужой по температуре, будто я долго держала руки под снегом.

— Отклик есть, — сказала Зоя Петровна. — Ладони не убирай. Дыхание ровное. Температура?

Арсений направил датчик на мои руки.

— Двадцать девять и восемь. Общая тридцать шесть и четыре.

Зоя Петровна подняла жетон и медленно поднесла к проходу. В десяти сантиметрах от линии красная метка погасла, затем снова проявилась. Её пальцы продолжили движение, но жетон остановился, будто упёрся в прозрачное стекло. Рука прошла чуть дальше, а металлический круг выскользнул из ладони и упал с её стороны порога.

— Человек проходит, заданная печать — нет, — проговорила она для записи.

Она пересекла линию сама. Ничто её не задержало. Затем попыталась пронести жетон в закрытом стакане. Стакан прошёл, жетон ударился о стенку изнутри и остался по прежнюю сторону, когда Зоя Петровна вынесла пустую ёмкость за порог.

Точное исполнение задачи вызвало во мне почти детское удивление. Не чудо вообще, не неопределённое волшебство, а работающий узкий фильтр.

Вместе с удивлением пришла дрожь.

Сначала мелкая, в одном пальце. Я могла бы выдержать ещё несколько проверок. Шестьдесят секунд не прошли, задача держалась устойчиво, а мне хотелось узнать предел.

Именно поэтому я сказала:

— Начался тремор правого указательного пальца.

Арсений посмотрел на таймер.

— Тридцать четыре секунды. Остановить.

— Завершай, — подтвердила Зоя Петровна.

— Задачу завершить, линию отпустить.

Свет между кристаллами погас. Жетон звякнул о пол, когда Зоя Петровна снова перенесла его через проход.

Я убрала ладони со стола.

— Сядьте, — сказал Арсений.

— Голова не кружится.

— В протоколе нет условия «садиться только при головокружении».

Я села. Он подал мне шерстяной плед из аварийного комплекта, но не стал набрасывать его сам. Я завернула руки и позволила Зое Петровне измерить температуру. Тридцать шесть и два. Кожа пальцев — двадцать восемь и девять.

— Согревать постепенно, — сказала она. — Никакой горячей воды. Сладкий тёплый чай, еда и четыре часа без настройки.

— А через четыре?

— Повторно измерим. Сегодня больше никакой магии, даже если согреешься раньше.

— Тест завершён успешно? — спросила я.

Арсений перенёс показания в планшет.

— Наследный отклик подтверждён. Доступ к малому порогу устойчивый, формулировка исполнена без расширения. Команда остановки сработала. Побочная реакция первой степени.

— Значит, я ведьма.

Зоя Петровна налила чай из термоса.

— Значит, у тебя есть дар. Ведьмой станешь, когда научишься отвечать за последствия.

— Юридически, — добавил Арсений, — с момента регистрации вы считаетесь пробудившейся наследной ведьмой без самостоятельного допуска. Выполнять настройку сможете только с наставником в рамках временной лицензии.

Я взяла кружку обеими руками и почти не почувствовала её тепла.

— Теперь можно подать заявление?

— Теперь в нём появилось обязательное основание. Понадобится договор наставничества, план восстановления лаборатории, журнал практики и страхование ответственности.

— Сколько времени займёт временная лицензия?

— Если пакет полный — до пяти рабочих дней. До решения вы можете готовить обычные немагические продукты по общим правилам. Источник остаётся под ограничением.

— И тридцатидневный срок продолжает идти.

— Да.

Я выпила чай. Он был сладким, хотя Зоя Петровна не спросила, сколько сахара мне нужно. Спорить не стала: организм получил нагрузку, глюкоза входила в восстановление.

Пока они завершали документы, я изучила строку о регистрации. В ней перечислялись автоматические получатели уведомления: собственник, городская палата, страховой реестр, наставник и все зарегистрированные держатели прав или обременений на объект.

— «Баланс» узнает о подтверждении дара? — спросила я.

— После подписания протокола, — ответил Арсений.

— Зачем уведомлять залогодержателя, если залог оспаривается?

— Пока запись действует, у него есть право получать сведения об изменении статуса объекта. Не право входить, использовать источник или требовать подпись. Только уведомление.

Я посмотрела на часы. До конца дня Денис мог получить документ, из которого следовало, что источник признал меня и без моего добровольного согласия не перейдёт новому владельцу.

— Можно отложить регистрацию до решения по залогу?

— Можно не подписывать итоговый протокол, — сказал Арсений. — Тогда отклик останется фактически установленным, но не зарегистрированным. Временную лицензию вы не подадите. Срок консервации не остановится.

Он не говорил, что я обязана. Просто положил варианты рядом.

Я попросила планшет и снова прочитала весь протокол. В разделе наблюдений Арсений записал время тремора, температуру и мою самостоятельную команду остановки. Ни слова о «выдающейся силе», наследном предназначении или других формулировках, которые невозможно проверить. Зоя Петровна указала точные партии соли и рябины.

— Мне нужен договор наставничества, — сказала я ей.

— Нужен.

— Вы согласны?

— На месяц. С оплатой по городскому минимуму, журналом каждой работы и правом остановить тебя при нарушении технологии.

— С правом остановить конкретную работу. Решение о лавке и источнике остаётся моим.

— Я учу ремеслу, а не жизни. Хотя насчёт жизни иногда буду высказываться бесплатно.

— Это условие придётся принять.

Мы записали основные пункты и договорились оформить договор вечером. Я подписала итоговый протокол.

Экран показал вращающийся круг. Затем появилась зелёная строка: «Наследный отклик зарегистрирован».

Через несколько секунд мой телефон завибрировал. В личном кабинете открылось уведомление о новом статусе объекта. Следом пришло подтверждение отправки держателю обременения — ООО «Баланс».

Я ожидала звонка от Дениса сразу. Телефон молчал.
Молчание продлилось восемь минут.

За это время Арсений упаковал контрольные остатки, Зоя Петровна убрала рабочую линию отдельным шпателем, а я смогла согнуть пальцы без дрожи. Тепло всё ещё не возвращалось.

— Ваш ключ, — сказал Арсений, взглянув на сумку. — Во время активации он двигался?

— Ударился о пряжку. Я не касалась.

Он попросил разрешения осмотреть его. Я вынула полотенце и развернула на столе. Длинный ключ был тёплым. Арсений измерил поверхность: тридцать восемь и одна.

— Это выше температуры помещения и ткани, — сказал он. — Вероятно, проводник семейного порога. Носить отдельно по-прежнему разумно.

— Можно установить точнее?

— После доступа к нижней камере. Без воды источника тест будет неполным.

Он завернул ключ тем же способом и подвинул ко мне, не присваивая предмет даже на минуту дольше необходимого.

— Вы вовремя сообщили о треморе, — произнёс он.

— Это требовалось по протоколу.

— Требовалось. Выполняют не все.

— На производстве чаще всего травмируются люди, которые хотят закончить операцию за ещё одну минуту.

— У резчиков та же статистика.

На его правой руке были тонкие перчатки. Когда он закрывал кейс, безымянный палец двигался чуть медленнее остальных. Я вспомнила, как Зоя Петровна назвала его хорошим резчиком, и не стала спрашивать. Чужая медицинская история не становилась общей только потому, что я заметила симптом.

Телефон снова завибрировал.

На этот раз звонил Денис.

Я не ответила. Записала время вызова и дождалась, когда включится голосовая почта.

Сообщение пришло через минуту.

«Лада, увидел уведомление. Нам нужно спокойно обсудить общий долг, пока ведомство не усложнило ситуацию. Я завтра буду в Рябинове. Ничего не подписывай без меня».

Я прослушала дважды и сохранила файл рядом с документами по залогам.

— Проблема? — спросила Зоя Петровна.

— Бывший муж едет объяснять, какие бумаги я не должна подписывать в собственном доме.

Арсений не спросил, кто такой Денис и что он сказал. Он уже видел название залогодержателя.

— Если вам угрожают, заявление можно подать сейчас, — произнёс он. — Если речь о споре собственников, инспекция не вмешивается.

— Пока это не угроза. И собственник здесь один.

— Тогда зафиксируйте контакт и не передавайте оригиналы.

— Уже.

Он коротко кивнул.

К полудню температура пальцев поднялась до тридцати одного. Я смогла различить тепло кружки, но оставила перчатки. Зоя Петровна заставила меня съесть принесённый бутерброд и только потом разрешила открыть форму временной лицензии.

Мы загрузили её договор наставничества, протокол отклика и перечень необходимого оборудования. План восстановления я составила сама: вентиляция, весы, контрольные пла-

стины, отдельное хранение соли и рябины, журнал температур, страховка. Нижнюю камеру отметила недоступной до решения инспекции.

Стоимость первого этапа составила сорок шесть тысяч без ремонта проводки. Я убрала из списка новую мебель и оставила складной металлический стол, если он пройдет санитарную обработку.

— Экономить на чашах нельзя, — сказала Зоя Петровна.

— Не экономлю. Переношу покраску стен.

— Аграфена красила их луковой шелухой.

— Тогда тем более ничего не потеряем.

В три часа я отправила заявление на временную лицензию. Система приняла пакет и назначила предварительную проверку через два дня.

В четыре десять пальцы наконец согрелись до обычной температуры. Дрожь не вернулась. Зоя Петровна сделала запись в журнале практики: одна настройка, тридцать четыре секунды, задача выполнена, восстановление четыре часа.

Я расписалась под записью.

Перед уходом снова проверила пломбы. Они были белыми с синей полосой. Под первой ступенью остался светлый прямоугольник чистого дерева — место, где до утра находилась чужая полимерная наклейка.

В телефоне лежало сообщение Дениса. В реестре — моя заявка. На счёте — сумма, которой не хватало даже на минимальный ремонт. А в журнале впервые стояла запись о работе, выполненной мной, а не бабушкой.

Я не стала ведьмой в тот момент, когда соль засветилась.

Но, отправляя заявление, я впервые приняла решение жить так, будто эта способность принадлежала мне и распоряжаться ею тоже буду я.

ГЛАВА 4. Разумное предложение бывшего

Денис приехал в девять двенадцать на машине, которая стоила дороже лавки по его оценке.

Я увидела из окна, как он остановился у крыльца, осмотрел мокрый фасад и поморщился. В Северограде это выражение появлялось у него при виде сорванного срока поставки. Дом бабушки он тоже считал неудачно организованным активом.

К его приезду я подготовилась.

Телефон записывал звук, о чём сообщала табличка на прилавке. Оригиналы лежали в закрытом шкафу лаборатории. Передо мной были только копия выписки о залоге, блокнот и распечатка обращения в реестр. Зоя Петровна обещала подойти к половине одиннадцатого. Арсений назначил проверку вентиляции и схемы лаборатории на десять сорок.

Я не собирала их ради Дениса. Просто не отменяла собственный день из-за его визита.

Он вошёл без стука, как входил в мой кабинет на производстве.

— Здесь холодно, — сказал он.

— Коммуникации отключены. Доброе утро.

Денис снял кожаные перчатки и положил на прилавок визитницу.

— Лада, нам не обязательно начинать с протокола.

— Мы уже начали. Разговор записывается, табличка перед тобой.

Он прочитал её и улыбнулся одними губами.

— Хорошо. Если так тебе спокойнее.

— Мне спокойнее, когда документы совпадают с реестром. Объясни залог на миллион восемьсот пятьдесят тысяч.

— Это не личный долг. «Баланс» финансировал консервацию, обслуживание дома и часть твоих расходов после смерти Аграфены Ильиничны. Бухгалтерия объединила затраты.

— Назови работы на миллион восемьсот пятьдесят.

— Я не вожу с собой пятилетний архив.

— Тогда пришли его официально. Договор, акты, счета, платёжные поручения и моё нотариальное согласие.

Он прошёл к окну и надавил пальцем на раму. Из щели потянуло холодом.

— Вот на что ты тратишь время. Здесь только обязательных работ на полмиллиона. С источником сумма вырастет втрое. У тебя есть эти деньги?

— Это не ответ.

— Это реальность. Мы не враги. Компания погасит общий долг и выплатит тебе шестьсот пятьдесят тысяч. Ты подпишешь передачу объекта и вернёшься в Североград без исполнительного производства.

— Вчера ты назвал долг общим. Сейчас говоришь, что компания его погасит. Перед кем?

— Не цепляйся к словам.

— В договоре залогодержатель — сама компания. «Баланс» предлагает погасить долг перед «Балансом», если получит имущество стоимостью, которую тоже определил «Баланс». Это не предложение. Это круговая запись.

Улыбка исчезла.

— Ты всегда умела превратить простой вопрос в производственное совещание.

— На совещании у тебя были бы документы.

Он вернулся к прилавку и положил передо мной визитку.

— Позвони Светлане из юридического отдела. Она всё объяснит.

— Мне нужна не консультация твоего юриста, а оригиналы.

— Оригинал согласия находится у регистратора. Ты подписывала пакет, когда оформляла наследство.

— Наследство я оформляла восемь месяцев назад. Залог зарегистрирован три месяца назад.

— Потому что приложение вступало в силу после внутреннего расчёта.

— Какое приложение?

Денис ответил слишком быстро:

— От четырнадцатого июня.

Я не отвела взгляд.

— Четырнадцатого июня я была на приёмке оборудования в Казани. Есть билеты, гостиница и журнал допуска. Какое приложение ты имеешь в виду?

Он взял визитку, покрутил и снова положил.

— Я мог перепутать число. В пакете по наследству было согласие на покрытие расходов компании.

— Ты только что назвал дату документа, которого якобы не возишь с собой.

— Я помню месяц. Число сказал приблизительно.

— Ты сказал точно.

В цехе Денис никогда не называл дату приблизительно. Он мог забыть имя техника, но помнил дни оплат и окончания отсрочек. Четырнадцатое июня имело значение.

— Допустим, юристы ошиблись с основанием, — сказал он. — Это исправляется. Суть не меняется: компания вложилась в объект.

— В таком случае ты легко предоставишь акты.

— Лада, я приехал не судиться.

— А зачем регистрировал залог?

Он опёрся ладонями о прилавок. Раньше этот жест означал, что разговор закончен и сейчас он сформулирует решение за всех.

— Чтобы защитить вложения. Аграфена Ильинична попросила помочь с консервацией. Я помог. Потом ты унаследовала дом, не захотела им заниматься, и расходы остались на компании. Я предложил честный выход.

— Почему в приложении к разводу отдельно указаны права на природные воды?

— Стандартная формулировка.

— Для дома с зарегистрированным источником?

— Ты вчера узнала, что источник существует, а уже решила строить из себя специалиста по магическому праву.

— Я спрашиваю, когда узнал ты.

Он выпрямился.

— Пять лет назад, когда платил за консервацию. Это никогда не было тайной.

— Для меня было.

— Потому что тебе было неинтересно. Ты не приезжала, не читала отчёты, не спрашивала, как Аграфена содержит дом. Теперь удобно сделать виноватым меня.

Упрёк попал точно. Я действительно не приезжала достаточно часто. Переводила деньги, звонила по воскресеньям и позволяла Денису решать вопросы, которые считала бытовыми. Восемь месяцев после похорон я не открывала бабушкины журналы.

Это была моя вина перед бабушкой. Она не превращала чужую подпись в мою.

— То, что я не прочитала каждый отчёт, не даёт тебе права закладывать мою собственность.

— Ты дала согласие.

— Покажи.

— Покажу в офисе, когда вернёмся.

— Пришли заверенную копию.

— Такие вещи не пересылают неизвестно куда.

— Адрес указан в реестре. И в твоём уведомлении о моём даре.

При слове «дар» он посмотрел на дверь лаборатории.

— Ты хотя бы понимаешь, во что лезешь? Источник старый. Аграфена едва удерживала его. Тебе тридцать шесть, ты вчера впервые увидела рабочий порог.

— Откуда ты знаешь, что я его увидела?

— В уведомлении написано о проверке отклика.

— Там нет описания процедуры.

Он на секунду замолчал.

— Я представляю, как это делается.

— Кто из сотрудников «Баланса» имеет магический допуск?

— У нас есть консультанты.

— Назови.

— Это не вопрос.

— Верно. Ты можешь уйти в любой момент.

Он отступил от прилавка. Я знала эту паузу: Денис выбирал между раздражением и вежливостью. В деловых переговорах вежливость обычно побеждала, потому что стоила дешевле.

— Я дам тебе время до понедельника, — сказал он. — Потом юридический отдел начнёт взыскание. Обременение уже зарегистрировано. Если ты продолжишь вкладывать деньги, потеряешь и дом, и накопления.

— Значит, нейтральное предложение закончилось.

— Я пытаюсь уберечь тебя от очевидной ошибки.

— После развода это не входит в твои обязанности.

В дверь постучали. Арсений вошёл только после моего «да». На нём была рабочая куртка, в руке — папка с планом осмотра.

Денис обернулся.

— Вы инспектор по объекту?

— Старший инспектор магической безопасности Ратников. Доброе утро.

— Денис Соколов, директор «Баланса». Компания является залогодержателем.

— По вопросам залога обращайтесь в регистрационную службу или суд. Мой осмотр назначен на десять сорок.

Он посмотрел на часы. Было десять тридцать семь.

— Мы заканчиваем, — сказала я.

Денис взял перчатки.

— Лада, я жду тебя в понедельник с подписанным приложением. Не вынуждай компанию действовать формально.

— Компания уже действует формально. Поэтому оригиналы, пожалуйста, тоже по форме.

Он повернулся к Арсению.

— Вы понимаете, что неопытный владелец активного источника опасен для города?

— Риски владельца отражены в предписании и заявлении на лицензию.

— Я спрашиваю ваше профессиональное мнение.

— Я не обсуждаю проверяемое лицо с третьей стороной без законного основания.

Денис коротко усмехнулся.

— Удобно.

Он вышел, оставив дверь открытой. Я закрыла её сама.

Арсений положил папку на край прилавка.

— Вам требуется время до осмотра?

— Нет. Разговор записан. Угрозы физической безопасности не было. Он обещал взыскание по зарегистрированному залогоу.

— Это относится к гражданскому спору.

— Я знаю.

Он не спросил, почему я терпела Дениса столько лет, и не предложил мнение о бывшем муже. За это я была ему благодарна сильнее, чем следовало после одного делового разговора.

Мы поднялись в лабораторию. Арсений проверил вентиляционный канал, расстояние между рабочей зоной и хранением сырья, состояние аварийного выхода. В перечне замечаний появились сетка на вытяжку, новый огнетушитель и отдельный шкаф для настроенных составов. Он не закрывал глаза на нарушения из сочувствия и не добавлял лишних.

— При таком плане временный допуск возможен после установки контрольных пластин и восстановления вентиляции, — сказал он. — Нижняя камера остаётся отдельным вопросом.

— Выезд лабораторной группы назначен?

— На послезавтра, восемь утра.

— Это день предварительной проверки лицензии.

— Совместим процедуры. Вы не будете заходить в камеру до первичной оценки.

Я записала время.

Когда Арсений ушёл осматривать техническую дверь снаружи, приехала компания по утилизации. Я проверяла накладные у прилавка и заметила визитку Дениса.

Она лежала там, где он её оставил. На белой поверхности возле золотого тиснения появились три чёрные крупинки.

Я не стала наклоняться ближе. Остановила погрузчиков у склада, попросила никого не подходить к прилавку и позвала Арсения.

Он вошёл через минуту, снова включил камеру и осмотрел визитку портативным индикатором. Тонкая стрелка отклонилась к серому сектору.

— Посторонний след активен, — сказал он. — Не касайтесь.

— Вчера визитка была чистой. Я видела обе стороны, когда он перекладывал её.

— На записи это есть?

— Да.

Он упаковал карточку в солевую рамку, не стряхивая пыль. Один отдельный контейнер получил контрольный смыв с прилавка в двадцати сантиметрах от неё, второй — смыв с пустого участка, где Денис не стоял.

— Сходство с пылью на приложении и печати можно проверить? — спросила я.

— Можно. Но сходство покажет общий состав или источник, не того, кто активировал след.

— Визитка принадлежит Денису.

— Принадлежность предмета — факт. Нанесение следа — пока нет.

Это раздражало. И оставалось правильным.

Зоя Петровна появилась в половине одиннадцатого, когда утилизационная машина уже уехала, а мы оформляли последнюю квитанцию. Она выслушала объяснение, осмотрела пакет через прозрачную стенку и не стала изображать, будто узнала вещество с первого взгляда.

— Для хранения нужен малый отсечной порог, — сказала она. — До лабораторного вывоза. Одна задача: не пропускать активный след за границу металлического подноса.

— Визитка уже в солевой рамке, — заметила я.

— Рамка сохраняет образец. Порог покажет изменение активности. Если след попытается растечься, температура линии упадёт раньше, чем он выйдет.

Арсений проверил её предложение по справочнику допуска.

— Разрешено в рамках наставничества. Время действия — не более восьми часов. Объект останется здесь под ответственностью собственности. Я могу забрать его сразу в хранилище.

— Сколько времени займёт доставка?

— Час. Но до идентификации вещество всё равно будет в карантине.

Я посмотрела на визитку. Если лаборатория заберёт её, я получу отчёт. Если оставлю до вечера под узким контролем, увижу, ведёт ли след себя активно после отказа Денису.

— Оформляем временное наблюдение на шесть часов, — сказала я. — Потом передаю в хранилище независимо от результата.

— Тогда помещение нельзя оставлять без наблюдения, — предупредил Арсений.

— Останусь до передачи.

— Одна? — спросила Зоя Петровна.

— Это лаборатория, а не осаждённая крепость. Контур узкий, задача известная, аварийный номер у меня есть.

Она не спорила. Только заставила меня повторить условия остановки.

Мы использовали нейтральную соль из новой партии и две полосы рябиновой коры. Контрольный круг вокруг пустого металлического подноса остался без настройки. Рабочий окружил запечатанную визитку. Я произнесла одну задачу: удерживать активный посторонний след внутри границы до остановки или шести часов.

Пальцы охладились всего на градус. Температура рабочей линии установилась на двадцати двух целых четырёх — на полградуса выше воздуха. Зоя Петровна записала исходные значения и велела проверять каждые пятнадцать минут.

— Если станет ниже температуры комнаты, звонишь сначала Ратникову, потом мне, — сказала она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.